

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Неумершая любовь

(сказка жестокая, но в конце, как и полагается в сказках, всё будет хорошо)

— А ну, раздвинула свои ляжки шире! — скомандовал мужской голос: — Шире я сказал! — Аргх! — донёлся приглушённый женский вскрик, когда ремень со свистом опустился на её промежность, голенькую как у девочки, и бардово-красную от ударов, как у провинившейся шлюхи. Большого женщина произнести не могла, даже если бы захотела. Мужчина восседал на её лице всем своим весом, ни мало не заботясь о её удобстве. Впрочем, удобством здесь и не пахло — она была вжата в каменную плиту, и холод пробирал её до костей. Но ей уже было не до того, чтобы беспокоиться о таких пустяках. Сейчас её единственной задачей было массировать своими грудями уютно расположившийся меж них мужской орган, не прерываясь даже в самые болезненные моменты. И она должна была постараться, если не хотела, чтобы боль продолжалась вечно. Только если она вызовет в нём желание своими ласками, только тогда он снизойдёт до того, что позволит ей ублажать себя ртом — а в это время он прекратит терзать её нежную плоть меж ножек, подрагивающих от напряжения и страха ожидания очередного удара. Но насильник был уже слишком опытен, чтобы оставить свою жертву в покое так скоро, как той хотелось бы.

И вдруг ей стало легче — когда мужчина поднялся с неё. В порыве благодарности, она хотела уже потянуться губами к его нависающему над ней орудию, но он лишь влепил ей пощёчину: — Куда, шалава, своим ртом нацелилась? Команда была лежать. И терпеть, — зло усмехнулся он: — Но раз ты дёрнулась, значит проявила непослушание. Значит, будешь наказана. — Да, дорогой, — непроизвольно всхлипнул, ответила женщина. — Что значит «да»? — новый неожиданный удар потряс женское тело. Она не успела свести ножки и вся тяжесть кованной пряжки легла точно на клитор. Со всего маху. Глаза едва не выскочили от боли из глазниц, рот распахнулся так, что потрескались уголки губ, а каменные своды потряс крик... который не слышал её мучитель, ибо ухо человека неспособно услышать такую боль. Но он знал, он видел КАК ей БОЛЬНО — и наслаждался этим. И не собирался прерывать своё наслаждение. — Как, — начал он с усмешкой: — Как, я спрашиваю тебя, ты, недостойная тварь, должна держать ответ перед твоим господином и повелителем?

Превозмогая ужасную боль в ноющей от сотни ударов промежности, женщина соскользнула с ложа на каменный пол. Холод камня чуть-чуть приободрил её, придав силы, чтобы приподняться и сесть на коленях перед мужчиной. Затем она выпрямилась, и гордо откинув голову назад, завела за неё руки, явив пред очи мучителя свою прекрасную грудь: — Мой господин, — произнесла она с величайшим смирением в голосе: — Я, твоя ничтожная вещь, твоя подстилка, существующая лишь для твоего наслаждения, провинилась перед тобой, мой повелитель. Моя вина безмерна, и ничто в мире не может служить мне оправданием. Я не заслуживаю пощады, и должна быть наказана со всей строгостью. Но...

И тут она замерла и посмотрела ему в глаза. Он разглядывал её, покорную женщину у его ног. А она ждала. Наконец он дал знак.

— Могу ли я, — продолжила она: — Просить о милости... — Нет, — прервал он её. Он сказал это без всякого нажима, без угрозы. Даже почти мягко дал ей понять, что его решение непреклонно и сладкого она не дожждётся. Но увидев вновь наворачнувшиеся слёзы на его и без того заплаканном лице, он смягчился: — Прости, любимая. Ты сейчас так прекрасна, — он

опустился на пол перед ней. Холод камня не волновал его, взор был прикован к глазам напротив: — Ты сейчас так прекрасна... — Правда? — Ну конечно! — приободрил он её: — Ты неотразима. Самая прекрасная из женщин. Сколько боли ты перенесла и так стойко. Я люблю тебя. Но, нет, даже не проси. Сейчас я не дам тебе ни капли удовольствия. В мои планы входит ещё наслаждаться тобой сегодня, а что это означает для тебя, а, моя девочка? — Боль, да? — шепнула она, целуя его руку. Руку, которая ещё недавно сжимала ремень, терзавший её самое нежное место. — Да, моя девочка, — подтвердил он: — Много, много боли. И, если я сейчас позволю тебе хоть капельку наслаждения, ты же знаешь себя, тебе только труднее будет перенести остальное. Я же жалею тебя, глупая. — Правда? — Ну конечно! Ну, девочка, ну иди сюда, прижмись ко мне. — Можно? — Да, любимая, можно. — Спасибо, милый, — она уткнулась ему в плечо и принялась нежно целовать его, пока он держал её в своих объятьях. Тепло, исходившее от его тела, было необычайно приятным. Она так наслаждалась этим ощущением, что готова была вытерпеть ради него ещё такую же пытку. Или даже похуже.

— Ну, всё, девочка, — тихо произнёс его властный голос: — Отдохнула? — Да, господин, — шепнула она, смахивая слёзы и поцеловав его в последний раз. — Тогда вставай, и ножки пошире. Да, вот так. Ещё шире, девка! — О, господин... — Стоять! — он взял её за волосы, выворачивая её лицо к себе, и она едва не растаяла в накатившей волне наслаждения от ощущения его власти над собой: — Строптивая девчонка решила своевольничать. Много о себе возомнила. Думала, раз господин приласкал, то пожалеет? Нет, никакой жалости не будет. Усекла? — О, да, господин, — отвечала она: — Я недостойна. — И ещё, девочка, — добавил он чуть мягче и нехорошо ухмыльнулся: — Теперь тебе будет больнее. Помнишь, я тебя предупреждал об этом. После передышки боль ощущается сильнее. Ты хотела этого, глупая девчонка? — Для тебя, мой господин, я готова на всё! — О, сегодня тебе представится случай, — заверил он её: — Но сперва я хочу, чтобы ты ног не могла свести. Стоять! Она и не пыталась сопротивляться. Стояла в той же позе, с широко разведёнными ногами, руки сцеплены за спиной, грудь выставлена вперёд, а кругленькая плотненькая попочка отклячена назад. Да и куда бы она делась, когда её волосы намотаны на его кулак? Оставалось лишь надеяться, что он захочет войти в неё сзади. Ну хотя бы пальцем проверит её дырки... Но вместо этого она услышала свист раскручиваемого ремня и напряглась, зная что будет потом. Предугадать было несложно, кованная пряжка, пролетев по дуге снизу меж её ножек, ударила по лобку. На этот раз она попала выше нежных губок, по животику — но и это было черезчур. И всё же она держалась на ногах... а может висела на своих волосах, зажатых в его кулаке. Кажется, он заметил, что удары не приносят жертве должных мучений. Бесцеремонно пригнул её ниже и продолжил порку. Ремень ложился, огибая промежность, но удары стали попадать ещё выше. У неё перехватывало дыхание, но это неудобство она вполне могла ещё выдержать. Главное, что её начинало уже раздражать и даже злить — почему он не бьёт именно туда? Она не нравиться ему там? Это становилось простым избиением, в котором она не видела ничего интимного. И она выпрямилась

— Девка, ты что творишь? — произнёс он удивлённо. — Почему ты не бьёшь меня туда? Я тебе не нравлюсь там больше? — Вот только этого нам сейчас не хватало, — бросил он в ответ раздражённо: — Ты неисправима. Ты вся в этом. Что угодно может стать причиной и ты уже готова поломать всё. — Но почему? — взмолилась она. — Девочка, моя любимая девочка, — успокоил он её: — Я люблю тебя. Ты же знаешь. Ну, скажи сама. — Да, — ответила она,

прижимаясь к нему: — Я знаю, любимый. — Ну так чего тебе ещё надо? — Ты не попадаешь... — Ах, это! — рассмеялся он: — И только в этом дело? Так моей жене не хватает боли для полного счастья? — Да, — стесняясь своих слов прошептала она. Несмотря на всё, что было с ней прежде, она до сих пор стеснялась точно так же, как невинная девушка. И это было обворожительно прекрасно, знать, что она стесняется, когда с урчанием высасывает сперму из умело возбуждённого ею мужского органа. Он посмотрел на неё снова. Она стояла к нему в профиль и линии её тела были совершенны. Время не властно было над ними. И этой красотой владел он — именно владел.

— А ну-ка, — промолвил он, как бы размышляя вслух: — Давай-ка, девка, нагнись вот так, пониже. Ага! Так и стой. Как корова, вон и вымя висит — может подоить? Или...

И снова свист, но на этот раз пряжка оставила отпечаток на нежной груди, вдавив сосочек глубь. Она не ожидала этого, и снова зашлась в безмолвном крике.

— Руки! Руки, я сказал! На место руки. За спину! Позу принять! Получай!

Этот удар она уже ждала и крик сдержала. Ничего, через несколько ударов она привыкнет и даже сможет улыбнуться. Сквозь слёзы. Они лились произвольно и с ними она ничего не могла поделать. Потому что ей было и вправду так больно, что не было слов, способных описать эту боль. Но она должна была терпеть — и улыбаться. Ему нравилось, когда она выдавливала из себя улыбку сквозь рыдания.

— Ох, хороша тёлка! А вот так?

Ремень опоясал её тело, досталось обеим грудкам. Она даже задумалась на миг, как они будут выглядеть после этого? Её совершенная красота превратиться в распухшее бесформенное синее пятно. Ей стало жаль себя, и она ухватила за эту мысль — жалеть себя. Заплакать. Поскорее бы...

— А чтоб не тащишься ещё и вот так.

Неожиданно он вновь перенёс удары на промежность — и это возымело действие. А может удар был слишком сильным — но только её аж подбросило. Пол исчез из под её ног, чтобы в следующий миг встретиться с её лицом.

— Эй, милая? — кто-то тряс её: — Ты в порядке? Ну давай, вставай. Хватит валяться, я ещё не наигрался с тобой. — Что со мной было? — произнесла она, всё ещё глядя в пол перед собой.

— О! Замри! Постой так. Очень красиво смотришься, — произнёс его голос. И вот она ощущает его рядом. Он гладит её спину, бёдра, ножки. Не забывает животик, грудки и плечи. Затем берёт за волосы — но нежно, так нежно, как умеет только он — и поворачивает к себе, и говорит: — У тебя всё лицо разбито. Просто шикарно. Никогда ещё ты не выглядела так соблазнительно, любовь моя. Как же это замечательно, что я могу так делать с тобой. — Да, — согласилась она, чувствуя, что слова даются ей с трудом: — Наверно это действительно замечательно. Только у меня кажется челюсть как-то странно... — Может тебе её сломать? — усмехается он, и она понимает, что он не шутит. — Пожалуй нет. Не сегодня. Сегодня я хочу удовлетворить тебя ртом.

— Да! — восклицает он: — Ты права! Твоя постылая пизда мне изрядно надоела. А попка... ну это всё равно что голубка иметь. Голубка даже интереснее — всё-таки натягивать мальчика это что-то. А зачем тогда баба? Правильно, чтоб развлекаться с тем, чего у парня нет. Так что, любовь моя, я сегодня развлекусь как никогда ещё с ни с одной женщиной не развлекался. — Но ты же сказал, мой цветок любви тебе больше не по вкусу? — Цветок чего? Манда твоя, вот это что! — он снова притянул её к себе за волосы и впился поцелуем в её разбитые губы: — Я

приготовил кое-что необычное. — Но что? — спросила она, дрожа от предвкушения. — Не так сразу, милая, не так сразу. А вот давай, поднимай свою задницу, кляча, да пойти, принеси сюда свёрток, что я оставил у входа. — Слушаюсь, мой повелитель!

Она встала и грациозно покачивая бёдрами, пересекла зал. Двери были распахнуты и сквозь них лился лунный свет — самый прекрасный, самый интимный свет во вселенной. Она улыбнулась луне в небе, и подняла свёрток. Это было нечто, завёрнутое в кусок дублёной кожи.

— Неси же его сюда! — Слушаюсь! — весело ответила она и почти бегом вернулась к каменному ложу, где её ждал муж.

Жестом он приказал ей, и, повинувшись этому приказу, она развернула кожу — там была дубинка. Нет, не палка, подобранная в лесу разбойником, чтобы нападать на неосторожных путников — а гладкая кегля, искусственно вырезанная мастером.

— Вот это, — объявил он ей: — Я и намерен использовать для твоей пизды.

Смущение вновь охватило её. Она таяла от грубости его слов. А он знал это — знал и продолжал: — Теперь, корова, пришёл час расплаты. Ты спросишь за что? — Я знаю, я виновата... — Я тебе велел говорить? Манде слова не давали, а ты манда. Так что заткни свою пасть... нет, не моим хуем. Совсем оборзела что ли? Ты хуесоска, ебанная в рот хуесоска. Тебя даже целовать противно. И ебать противно. Поэтому скоро твоя пизда познакомиться с этой дубинкой очень близко. Но сперва, тебе, корова, буде наказание за дерзость. А что у коровы есть, а? Ну-ка, давай покажи, да скажи, что это у тебя?

Он больно ухватил её за сосок и с силой выкрутил его, едва не оторвав.

— Вымя, мой господин. У Вашей тёлочки есть вымя. — Ну а раз так, то ложи своё вымя сюда, на камень, овца тупая. — Но что же будет? — спросила она, подыгрывая ему.

Он ухватил её за волосы и откинул её голову назад до предела. Их глаза встретились. Её рот был приоткрыт и он плюнул туда. Она продолжала смотреть на него, расправляя руками свои груди на каменной плахе.

— Сейчас, — произнёс он, заметив, что она уже приготовилась, и убрала руки за спину: — Узнаешь... Ха!

И одним ударом тяжёлой дубинки он разможил её правую грудку. Она уже не могла кричать. Боль пронзала её измученное тело. И жалость к себе. Её красота была уничтожена. Слезы полились безудержным потоком.

— Вот! — сказал он с гордостью: — Вот то, что я хотел. Как же ты красива сейчас, как притягательна!

Он приблизил своё улыбающееся лицо к её перекошенному рыданиями лицу и впился поцелуем в губы. И она — она ответила ему с неменьшей страстью.

— Правда? — спросила она: — Правда я смогла тебя порадовать? — И порадуешь ещё, девочка, — заверил он её. — Может хватит? — Ты устала? — участливо спросил он. — Да, дорогой, — ответила она: — Мне было немного тяжело под конец. — Вот и замечательно! — с радостью воскликнул он: — Значит, продолжим прямо сейчас. А то, если дать тебе передышку, ты привыкаешь к новой боли. А я хочу тебя такую, несчастную, зарёванную девчонку. Так что ложись снова на свой эшафот и, пожалуй, я разрешаю тебе поплакать. Сисек ты уже лишилась, так что оплакивай свою мандень. Я засуну туда эту дубинку, причём толстым концом. А ты в это время будешь сосать мне. Ты же любишь это, дорогая, не так ли? Но не вздумай слишком стараться, я пока не настроен кормить тебя. Если хочешь моей

спермы, тебе придётся ещё угодить мне. И если хоть на самую малость не угодишь... но ты же не хочешь расстраивать меня, моя девочка? Ты для меня девочка-целочка. Вот только, поскольку целки у тебя уже давно нет, то придётся рвать всю пизду! Ха-ха!

И он, бесцеремонно оттащив её за волосы от надгробья, принялся охаживать дубинкой всё её тело. Сиськи, попка, пиздень. Его хуй раскачивался перед её глазами. Она готова была накинуться на него, всосать его в себя весь. И тут же ей было больно. И она не знала куда придётся следующий удар, не могла уследить за ними, да и не хотела — она была просто тряпкой в его умелых руках. Ощущение падения было великолепно. Напоследок он несильно ударил её по щеке. Кажется, хрустнула челюсть, но она уже не обращала на это внимания. Она наполовину отключилась, новые удары мало помогали привести её в чувство.

(Специально для egoto.ru — секситейлз.ру) Ей было хорошо, просто хорошо быть безвольной куклой в его руках. А он затащил её на ложе, так, чтобы её голова свешивалась с одной стороны. Сам встал там же, так чтобы зажать её голову меж своих ног. Её ноги были призывно раскинуты в стороны, когда он занёс над ней зажатую в обеих руках дубинку, и произнёс: — Именем меня, её мужа и повелителя, приговаривается к разрыву пизды!

И вонзил дубинку толстым концом, как будто закалывал свою жертву. Женские ножки тут же конвульсивно сжались, но голова была зажата меж колен мужчины — увы, ей было не суждено вырваться. Она плохо понимала что происходит. Она не могла восстать против него. Но и он не мог быть так жесток с ней. Кажется, он требовал, чтобы она раскрылась, вновь разведя ножки, как делала это в течение всей предыдущей ночи — но её тело наотрез отказывалось подчиняться. Наконец он сдался.

Она лежала на холодной каменной плите, обливаясь слезами. Её тело, некогда прекрасное, теперь сотрясалось в судорогах и ознобе. Того, что она претерпела за эти часы, не смогла бы вынести ни одна женщина и за всю свою жизнь. Разве этого мало?

— Да, моя девочка, — сказал он, целуя её в посиневшие губы: — Мне и этого мало. Поплачь. — Пожалуйста, хватит на сегодня, умоляю, — сквозь рыдания выдавила она: — У меня там... я не знаю, не чувствую что... как будто... — Да, девочка, ты молодец, — заверил её он: — Всё получилось замечательно. Я сумел-таки её тебе просунуть. — Что? — Ну да, видишь дубинки у меня в руках нет. Она там, в твоей сладкой пиздёночке. Я лишь хотел ещё доставить тебе удовольствие, пошевелить туда-сюда... — НЕТ! О, нет, не может быть! Скажи что оно не во мне? — В тебе, милая, в тебе. — Но как же я? Я ведь знаю, я узкая там. Как же ты смог? — Ну, это было нелегко. Особенно учитывая, как ты сопротивлялась. Но, в общем, всё прошло довольно удачно. Такой размер... слушай, мне не терпится доставить тебе удовольствие. Ну, давай, я тебе там подвигаю, а? — Какое к чёрту удовольствие? Я чувствую себя растянутой как... как, наверное, чувствуют себя беременные. Слушай, надо вынуть это оттуда. У меня могут пойти растяжки по животу, как у рожавших женщин. Я буду некрасивая, ты меня разлюбишь.

Ему не хотелось прерывать удовольствие. Но и слишком сильно расстраивать её ему то же не хотелось. В конце концов, она так старалась ему угодить. Она заслужила небольшое снисхождение. А в следующий раз они продвинутся дальше.

— Ладно, можешь вытащить, — разрешил он. — Ты точно не будешь на меня обижаться? — Ну что ты! Просто в следующий раз я тебя накажу. Согласна? — Конечно, конечно согласна! — радостно закивала она: — Только давай сейчас вытащим. — Ну вытаскивай. Я же уже разрешил.

— Не могу, — ответила она: — Не получается. Я тяну вверх, а надо вниз. Ты потяни её из меня, хорошо?

Он потянул.

— Ой-ей-ей! — завопила она: — Осторожнее, пожалуйста. — Ты чего? — Больно же. — Ты вынесла только что такую боль! А теперь... ведь вынимать легче. Ну, давай я потяну... — Нет! Не надо! Ох, милый, дай я немножко отдохну, хорошо?

— Я думаю, — сказал он, поразмыслив: — Дело не в усталости. Ты была возбуждена, пиздёночка была приоткрыта, вот мне и удалось в тебя вогнать эту штуковину. Тебе надо снова возбудиться, и она сама выскочит. — Да, ты так считаешь? — переспросила женщина, разглядывая рукоятку торчащей у неё из пизды деревянной кегли. — Ну конечно! Ну, как тебя возбуждать? Снова лупить? — Милый, — взмолилась истерзанная красавица. — Ну хорошо, хорошо. Давай тогда я тебя полижу там? — О, это было бы замечательно. Ты меня так редко там ласкаешь. — Да ты сама не даёшься. — А как я дамся, если ты меня всё время лупишь? — Что, бунт! А ну заткни свою пасть, сучка! — Если только твоим хуем, кобелёк! — Идёт! Запахну и буду тебя ласкать в своё удовольствие. Открой ротик, девочка.

Он снова расположился над ней, его орган навис над приоткрытыми губами и — погрузился в них. Он припал к её телу, обнял её бёдра и прильнул губами к её бутону страсти. Вот только бутон был истерзан, и потому, вместо стона сладострастия, женщина испустила стон боли — и тут же мужское достоинство погрузилось прямо в её глотку, да на всю свою длину.

Она не сопротивлялась. Воздуха не хватало, дышать она не могла, а боль в промежности грозила скрутить её новым спазмом. Но она лишь нежнее обняла своего мучителя. Вскоре сознание затуманилось и ей стало хорошо. Она чувствовала его ласки — но как-то отрешённо. Напрягшийся хуй, напрочь перекрыл ей поток воздуха, но больше это не вызывало проблем. Нет, напротив, она уже поймала удовольствие от столь грязного обладания собой. Она снова чувствовала себя принадлежащей ему и готова была умереть здесь под ним, ради того, чтобы испытать это чудесное ощущение ещё глубже. Хотя, куда уже глубже, когда залупа упирается чуть ли не в желудок, а снизу туда же бьёт дубинка, вращаемая руками её жестокого любовника?

Среди моря накатившего на неё безразличия к своему телу, она не заметила, как насильник прервал свои ласки, и позвонил в колокольчик. По каменным плитам простучали каблочки.

— Мне горячий чай, чтоб прям кипятик был. И нож со стола в моём кабинете. Да, и поинтересуйся там, у госпожи, вдруг ей то же что-то требуется.

Перед её затуманенным взором возникла девичья фигура. Главным образом ноги.

Прелестные ножки, увенчанные изящными туфельками, обошедшимися в немалую сумму — но их служанка должна была выглядеть! Поэтому на туфельки супруги не поскупились. Она опустила глаза вниз. Естественно опустила — ведь голова-то её была запрокинута и весь мир перед ней висел вверх ногами. И ей всё казалось нереальным и эта нереальность лишь усиливала её ощущения. А там, куда она смотрела, ножки скрывались под передником. Взгляд проскользил ещё ниже и упёрся в кокетливо повязанный платочек, легкомысленно прикрывавший притягательные округлости. Ещё ниже посмотреть было затруднительно, но она знала что увидит там — лицо девушки, увенчанное подобающим для служанки головным убором. Более на девушке не было одето ничего. Супруги не скупилась на одежду для своей прислуги, но более шикарного вида телу девицы не смогла бы придать никакая одежда. Она и так была самым совершенством чистоты. А ещё — испуганной деревенской девчонкой,

впервые видевшей игру супругов в таких деталях и так близко.

— Ну, что стоишь? — послышался мужской голос — Но, я... Но как? Она же... — Ну что там? — с деланным недовольством отозвался мужчина. — Но она... её рот. Он занят... она же не может так говорить? — Ну и что? — возразил мужчина: — Меня не волнует что там за проблемы. Но если я сказал тебе поинтересоваться, ты должна это сделать невзирая ни на что. Это приказ. И за это я плачу тебе жалование. — Да, господин, извините, — девушка присела в реверансе, и обратилась уже к женщине: — Мадам, я могу быть Вам чем-то полезна?

Женщина подумала: «Конечно можешь, если возьмёшь этот хуй в свой ротик — а я бы пока отдохнула немного» Подумала, но не сказала. Ведь её рот был прочно занят.

— Ну?! — ещё раз переспросил мужчина. — Но она не может ответить? — попыталась объяснить служанка. Бедная неиспорченная девочка всё принимала за чистую монету. — Меня не волнует, может или не может! — сказал мужчина и ударил кулаком по... по тому, по чему попал. Боль отозвалась во всём животе и из заткнутого членом горла вырвался стон: — Если я велел спросить, ты спрашиваешь. Если тебе не отвечают — стало быть, ничего и не требуется. А раз так, то нечего зря время терять. Я то ведь жду. Быстро мой чай и нож. Каблучки застучали быстро-быстро. А любовник вдруг нежно прильнул к ней там, внизу. Он ласкал её, а она чувствовала себя нанизанной с двух сторон. Или в обе дырки. Она сейчас готова была быть для него ДЫРКОЙ. Или набором из 3 дырок. Как он пожелает. И её уже почти возмущало, что он вдруг стал так нежен с ней. Так аккуратен. Так бережно прикасается и ласкает — когда самое время просто использовать. Она только тело, предназначенное для его удовлетворения, и он не должен проявлять к ней ни малейшего снисхождения.

— Господин, — раздался девичий голосок: — Вот, я принесла всё, что Вы просили. — А! — он оторвался от её пизды и уселся, да так, что продвинул хуй ещё глубже, хотя за миг до этого она была уверена что дальше некуда: — Так, давай сюда. Да не всё разом. А вот, сперва нож... И куда бы мне его засунуть? Да, вот сюда воткну, — и он воткнул его прямо перед собой в женский живот. Глаза служанки расширились от ужаса, а он не замечая этого, продолжал: — Ну, давай сюда мой чай.

Дрожащими руками девушка протянула блюдце, на котором стояла чашка. Жертва слышала, как позвякивает фарфор. И даже успела подумать: «Сейчас ещё и чай прольёт» Как именно это и случилось. Кипяток ошпарил всю её промежность. Боль была страшнее и ужаснее, чем всё прежнее, пережитое за эту ночь. Она уже не могла кричать, а тело, казалось, уже больше ни что не отзовется. И только голос донёсся:

— Ну вот, взбудрили девочку. А то разлеглась и тащиться, а сама забывает удовольствие доставлять. Да, кстати, — голос как будто уплыл куда-то в сторону: — Глянь как она там, в сознании вообще?

Вновь застучали каблучки и перед её глазами возникли женские ножки. На этот раз лицо девушки приблизилось к ней. «Бедная запуганная девочка,» — подумалось несчастной жертве. Она попыталась улыбнуться, но это было нелегко с хуем-то во рту. Девушка в страхе отпрянула:

— Господин, она... — Шевелится ещё, знаю, — преспокойно прервал её он: — Можешь пока отдохнуть. Затем я тебя позову, приберёшься здесь. А пока ступай.

Когда каблучки удалились, он погладил бёдра своей жены и сказал ей: — Ну, любимая, сегодня ты вполне усладила меня. Осталась мелочь и я позволю тебе насладиться. Я изольюсь в твою глотку, всё будет как ты любишь. Но, ведь в твоей пиздёночке застряло кое-что не так

ли? И мы не может оставить это там. Надо вытащить, но как? Так вот, милая, можешь отсасывать, а я пока чуть-чуть надрежу твои губки — там. Может быть тогда получится извлечь, не нанеся тебе серьёзных повреждений?

О, да, это было, что ей требовалось сейчас — его сперма. Вкусная, горячая, даже сладкая. Самая большая её сладость. И всё, что он за это требовал с неё — это пожертвовать своей пиздой? Да после того, как она уже лишилась сегодня груди, это были сущие пустяки. И она принялась сосать.

Первый надрез проскользил по её бедру изнутри.

— Извини, милая, просто проверяю, хорошо ли заточен нож.

Конечно, он может проверять всё, что захочет. И как захочет. Сосать, ещё увлечённое сосать! Второй надрез. Кажется он что-то делает с её бёдрами там... может отрезает куски мяса? Забавно, надо побыстрее отсосать, чтобы не пропустить самое интересное. Да, ей уже самой стало интересно, посмотреть как он её разделяет.

— Какие у тебя здесь сочные губки. Как я любил их целовать. Но теперь, увы, я слишком неопытный хирург, и от них остались одни лохмотья.

Она завелась не на шутку. Быстрее, втягивать в себя.

— А вот и твой клитор...

Она впиалась в него. И сперма хлынула в её глотку, там глубоко. Вкуса она не ощущала, он мог быть сейчас какой угодно — но как же сладко ей было.

Потом она немного пришла в себя. Хуй, уже слегка помягчевший, выползал из её рта. Она втягивала его своими губками до последнего, но наконец он покинул их с громким чпокающим звуком. И они оба — и мучитель и жертва — рассмеялись.

Он уселся у её раскинутых в стороны ног. Она нашла в себе силы приподнять голову. О да, он содрал кое-где кожу с её прекрасных бёдер. И что там с пиздой?

— Хочешь посмотреть? — спросил её он. — Да, — ответила она так просто, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном, вроде новой интимной стрижки.

Он поддержал её под плечи, помог полулечь. В животе зияла рана от ножа. Нижние губки были измочалены. Клитор иссечён. Но кое-что ещё не было доделано.

— А дубинка? — спросила она. — Я знал, что ты спросишь, — усмехнулся он. Как будто существовали другие варианты и она скажет «Ерунда, оставь это там».

Они рассмеялись снова.

— Ну, девочка моя, моя любимая, я рад что у тебя хорошее настроение. Но всего ещё одна вещь, хорошо? — Конечно, — легко согласилась она: — Я всегда согласна. Такая я у тебя безотказная. — Вот и замечательно. Видишь этот нож? — Ого! Да это целая пила! Хорошо, что я не видела, чем ты меня шинкуешь. — Теперь увидишь. Ну, давай? — Ну, давай, — согласилась она с опаской: — Только, чур, не зубьями? — Да кого интересуется твоё мнение, — отрезал он. И вонзил ей нож прямо в пизду.

Она заорала. Не столько от боли, сколько от ужаса. А он провернул нож внутри неё и повёл выше и выше, вспарывая живот. Ужасные зубья рвали нежную женскую плоть. Затем он отбросил нож и вцепился в края раны обеими руками. И разорвал её. Выдернул кишки и вывалил их на её тело.

— Давно хотел это сделать, милая, — улыбнулся он. — Ооо... Да. Я потрясена... — ответила она, разглядывая собственное растерзанное тело: — Как я вообще выгляжу? — Потрясающе! Так бы и выебал тебя, да не хочется нарушать столь идиллическую картину. Полежи так,

любимая, и не двигайся. Жаль, я не художник, тебя надо было бы запечатлеть. — Только эту картину никому нельзя будет показать, — охладила она его фантазии: — Дорогой, люди не поймут. — Да, я знаю. Но сейчас мне нет до них дела. Только до тебя. И вот что я ещё с тобой сделаю.

Он поднялся возле неё и направил свой шланг на её тело. Раздалось журчание и моча брызнула на её раны. Она засмеялась и запрокинула голову, ожидая тех брызг, что обязательно полетят и в её ротик — и ожидания сбылись. Она так и продолжала полулежать, опираясь на локти, когда он вытащил из её разверстого нутра дубинку и со всей силы хватил её по челюсти.

Затем он бросил дубинку на безвольно поникшее женское тело и, не смущаясь своей наготы, вышел прочь.

У дверей он, как и ожидал, поймал за руку служанку.

— Я... Вы... Но... — залепетала она. — Пойди, приберись там, — сказал он твёрдо, глядя ей прямо в глаза.

Она не смела ослушаться. Но едва она ступила под мрачные своды, как опрометью бросилась назад. И снова оказалась в его руках:

— Господин, умоляю, не надо! — но он не отпускал её и молчал: — Но Вы же убили её! Она мертва? — Глупая, ну что ты такое говоришь, — произнёс он ласково, и погладил глупышку по головке: — Она давно уже не жива. Разве ты забыла? — Ох, простите господин, — всхлипнула девушка: — Я действительно забыла. Когда она зашевелилась... — Ну вот, видишь! Всё хорошо, она уже приходит в себя. Пойди, помоги ей. А то, ха-ха, ей самой будет немного затруднительно собрать свои кишки, — но, заметив, что бедняжка не в том состоянии, чтобы оценить тонкий юмор его шутки, добавил уже мягко: — Ну, ступай!

Ещё разок всхлипнув, девушка вошла в мавзолей. Он постоял ещё немного у дверей, прислушиваясь к голосам. В ночной тиши, отражаясь от стен замкового двора, они были слышны вполне отчётливо:

— Извините, мадам. Никак не могу привыкнуть... — Что ты, девочка. Я и сам никак не могу привыкнуть. Пожалуйста, помоги мне, не то мои раны не заживут до следующего полнолуния.

Он вдыхал прохладу ночного воздуха и наслаждался жизнью. Хорошо, однако, иметь жену-вампиришу.